

Е. И. ЯКУБОВСКАЯ

*О НАПЕВАХ КОЛЫБЕЛЬНЫХ ПЕСЕН
ЮГО-ЗАПАДНЫХ РАЙОНОВ АРХАНГЕЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ**

Колыбельные песни, которые на Русском Севере называют «байканьем» или «байками», составляют значительную часть репертуара народных исполнителей Каргопольского и Коношского районов Архангельской области. Экспедиционные исследования, проводившиеся автором статьи и группой студентов, а также выпускников Санкт-Петербургского (Ленинградского) государственного университета на протяжении ряда лет,¹ показали единство народной культуры юго-западных районов области. Это утверждение справедливо и для детского фольклора.

При подготовке экспедиционных материалов к публикации² были сделаны наблюдения, предлагаемые вниманию читателя в настоящей статье. Кроме указанных фонограмм, учитывались материалы экспедиций ИРЛИ РАН (Пушкинский Дом) в Каргопольский район.³ Немногочисленные записи колыбельных были сделаны в тех же населенных пунктах, в которых работали и мы. Небольшая коллекция каргопольских колыбельных опубликована Б. Б. Ефименковой.⁴ Ей довелось застать традицию «байканья» в расцвете. Многие образцы, записанные ею от исполнителей, родившихся в 1890-е гг., отличаются богатством мелодического варьирования и полнотой поэтических текстов.

В 1980—1990-е гг. талантливых исполнителей, конечно, осталось значительно меньше, хотя сама традиция пения колыбельных была еще жива, и нам не раз доводилось слышать пение женщины над засыпающим ребенком, иногда — под мерное поскрипывание качающейся зыбки. В Каргопольском районе нашими информаторами были в основном женщины 1915—1930-х гг. рождения; некоторых из них в свое время записывала и Б. Б. Ефименкова.

Колыбельные наряду с другими произведениями, обращенными к малым детям (пестушками, потешками, сказками), а также лечебные заговоры записывались в каждом из обследованных населенных пунктов, часто от нескольких исполнительниц. Интересные наблюдения были сделаны при записи пения женщин-родственников: двух пожилых сестер, жены их брата, двух дочерей одной из них. Это позволило зафиксировать индивидуальные варианты одного и того же «семейного» напева. Всего в обследованных населенных пунктах было сделано около 80 записей колыбельных, половина из которых опубликована. Собирались также сведения по этнографии детства (обычаи, приметы, народная медицина и педагогика).

* Нотная графика — Л. В. Еремин.

¹ Записи производились в 1986—1992 гг.

² Материалы экспедиций опубликованы в сборниках: Детский фольклор Каргопольского обозерья: Опыт освоения местной традиции. М., 1991; Золотая веточка: Детский фольклор Архангельской области / Сост. Е. Якубовская. М., 1997. Вып. 1, 2. Сведения об участниках экспедиций см. там же.

³ Экспедиции проходили в 1979 г. Материалы хранятся в Фонограммархиве Института русской литературы РАН (Пушкинский Дом), к. 337, 341.

⁴ Ефименкова Б. Б. Северные байки: Колыбельные песни Вологодской и Архангельской областей. М., 1977. № 44—45.

«Байканье» местные жители не относят собственно к песням, но признают, что исполнение «баек» может удовлетворить потребность в лирическом самовыражении, если пение других песен запрещается или нежелательно с точки зрения традиционных норм поведения (например, во время постов). «Стану байкать, — рассказывала жительница д. Харламовская Коношского р-на Н. Е. Ерыкалова (1915 г. р.), дак дедко-то (свекор) и говорит: „О! Опеть молодка забайкала! Охота писён попить, дак и нацнёт байкать!“». Так или иначе, но богато распетые и изобретательно варьируемые местные «байки» обнаруживают целый ряд мелодических связей с лирическими песнями, а также с произведениями других жанров.

Поэтические тексты колыбельных исследуемого региона поражают своей протяженностью и сюжетным многообразием. Здесь нам довелось встретить едва ли не большую часть всех известных поэтических мотивов. Они перечислены во вступительной статье к сборнику «Золотая веточка».⁵ Здесь не ставится задача их анализа. В 2000 г. вышел в свет капитальный труд В. В. Головина, посвященный русской колыбельной песне,⁶ где в числе других рассматриваются и наши материалы. В целом можно сказать, что поэтические тексты колыбельных к настоящему времени достаточно хорошо изучены.⁷ Напевы же, как это ни странно, до сих пор не привлекали серьезного внимания исследователей.

Хотя напевов колыбельных песен опубликовано немало,⁸ музыковедческое изучение их фактически не проводилось. Как правило, в литературе характеристика мелодий этих песен ограничивается констатацией их устойчивости, традиционности, а также «нехитрого», «немудреного» и т. п. музыкального строения их напева. Б. Б. Ефименкова в своей публикации северных «баек» отмечает узкий диапазон напева, однообразие составляющих его элементов. Строение напева описывается здесь как повторение «небольших ячеек-интонаций, попевок», причем одни исполнительницы «используют постоянные комбинации их, многократно повторяя с почти буквальной точностью короткий немудреный напев», «другие, наделенные даром музыкальной импровизации, все время изменяют, варьируют или сами попевки, или сочетания их, избегая, однако, ярких контрастов».⁹

Подобное описание создает впечатление изменчивости и непостоянства строения напева, его мелодической неустойчивости. На самом деле мелодии колыбельных организованы весьма жестко, что не мешает исполнительницам создавать каждый раз новые варианты мелодической линии. Вариирование

⁵ Золотая веточка. Вып. 1. С. 11—14.

⁶ Головин В. В. Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе. Або, 2000.

⁷ Наиболее крупные исследования: Каница О. И. Детский фольклор. Л., 1928; Аникин В. П. 1) Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М., 1957; 2) Мудрость народная: Жизнь человека в русском фольклоре: Младенчество. Детство. М., 1991; Мартынова А. Н. 1) Русская колыбельная и крестьянский быт. Л., 1977; 2) Опыт классификации русских колыбельных песен // Советская этнография. 1974. № 4; 3) Отражение действительности в крестьянской колыбельной песне // Русский фольклор. 1975. Т. 15; 4) Детский поэтический фольклор: Антология. СПб., 1997; Мельников М. Н. Русский детский фольклор. М., 1987.

⁸ Одна из первых публикаций напевов колыбельных — сборник «Гусельки» (Весель Н. Х., Альбрехт Е. К. Гусельки: 128 колыбельных, детских и народных песен и прибауток для голоса с ф.-п. СПб., 1875. № 1—10). Начиная с 1890-х гг. у собирателей возникает устойчивый интерес к колыбельным песням, их напевы регулярно появляются в публикациях. В 1920—1950-е гг. они встречаются во многих сборниках, но, как правило, не более одного образца. В 1960—1970-е гг. с появлением крупных публикаций, представляющих местные традиции, число напевов колыбельных и их разнообразие заметно возрастают. В последнее 20-летие прошедшего века усиливается внимание собирателей к детской народной культуре и быту, и в том числе к песням этого жанра, что приводит к появлению сборников, посвященных исключительно колыбельным. Список основных публикаций см. ниже, с. 159—161.

⁹ Ефименкова Б. Б. Северные байки. С. 6.

это, однако, имеет закономерный характер и заключается в изменении высоты отдельных ступеней лада (подробнее см. ниже), а также использовании набора равнозначных в ладофункциональном отношении мелодических фигур, что вообще характерно для сольной манеры пения.

Сравнивая значение текста и напева в достижении основной цели исполнения колыбельных — успокоить, усыпить малыша, Б. Б. Ефименкова отводит ведущую роль напеву, «его облику и характеру интонирования»,¹⁰ что созвучно и нашим наблюдениям. Однако этим роль напева не исчерпывается. В современных исследованиях четко прослеживается еще одна специфическая функция колыбельных — прогностическая, имеющая в своих истоках ритуальный характер. В частности, с таким ритуальным благопожеланием, произносимым над человеком (семьей, общиной) в переходных моментах его жизни и состояниях (например, благопожелания христославов, колядующих, «сеяльщиков», свадебные величания и др.), сравнивает колыбельные В. В. Головин.¹¹ Так как засыпающий младенец находится как раз в таком переходном состоянии (на границе сна и бодрствования, а также в момент перехода от недооформленности как человек традиции — к оформленности), то вполне естественно проявление и в колыбельной песне, столь сильно воздействующей на него, функции обрядового благопожелания.

В своем исследовании В. В. Головин говорит об особом тексте (в виде фольклорного жанра или молитвы), представляющем собой прогностическое благопожелание.¹² Нам представляется, что этим «текстом» (в широком смысле слова) и является напев колыбельной, вобравший в себя черты обрядовых, эпических и отчасти лирических интонаций, присущих народной музыкальной культуре в ее местной, локальной форме. Вместе с тем напевы колыбельных песен несут в себе характерные черты, выработанные в творческой практике песенной традиции и общие для произведений разных жанров. Эти особенности усваиваются адресатом колыбельной как неповторимые интонации родного музыкального языка.

Наша задача заключается в том, чтобы выявить обозначенные выше функции и свойства напевов колыбельных песен на материале изученной нами традиции Каргопольского и Коношского районов Архангельской области, раскрыть их взаимосвязь с другими жанрами фольклора.

Музыкально-поэтическое строение колыбельных песен исследуемого региона отличается значительным единством. Слогоритмический период строится из двух тождественных друг другу частей, равных двухстопному семи-(восемь)сложному стиху (табл. I-1). Редукция анакрузы приводит к уменьшению количественно-слового объема стиха до пяти-шестисложного (табл. I-2). Один из записанных нами напевов с редким для местной традиции трехдольным ритмом демонстрирует образец периода с четырех-(пяти)сложным первым и шестисложным вторым стихами (табл. I-3).¹³

Т а б л и ц а I

1 По _ ди, бу _ ка, на са _ рай, да ко _ ням се _ на на _ да _ вай!
 Сде _ лай ми _ пость - ту та _ ку _ ю - слу _ шай ма _ туш _ ку род _ ну _ ю!

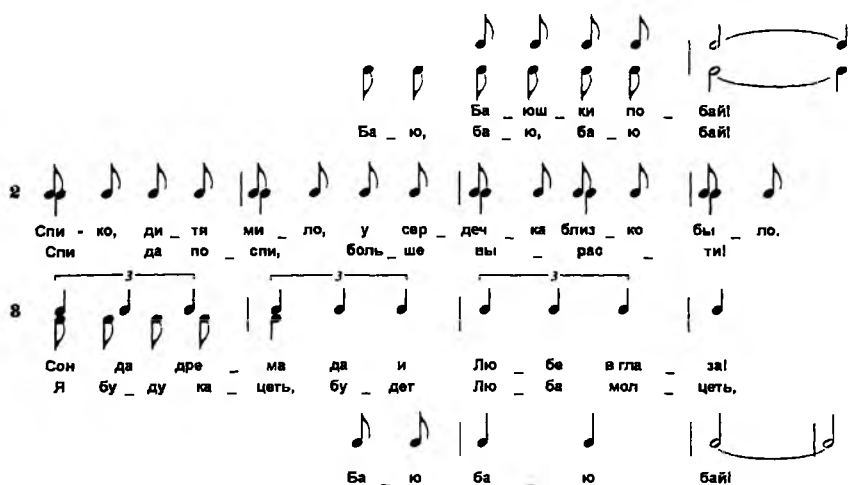
Ба _ ю бай!

¹⁰ Там же.

¹¹ Головин В. В. Русская колыбельная песня. С. 47.

¹² Там же.

¹³ Золотая веточка. Вып. 2. № 13.

Как правило, каждому слогу соответствует одна музыкально-временная единица (позиция). Исключения сравнительно редки (табл. I-2). Седьмая позиция удлинняется чаще всего вдвое. При появлении восьмого слога она дробится. Во второй части периода позиция бывает продолжена за счет припева, иногда краткого — в этом случае она достигает 10 музыкально-временных единиц, а в своей полной форме составляет 14 единиц (табл. I-1).

Полная форма припева повторяет слогоритмическую конфигурацию в объеме одного стиха, характерную для основной части напева на слова «Баю, баю, баю бай» и т. п. — семисложную или «Баюшки побай» и т. п. — пятисложную. Краткая трехсложная на слова «Баю бай» воспроизводит заключительный оборот: предыкт—икт. Отмеченное исследователями соответствие поэтического размера и ритма качания¹⁴ наблюдается и на нашем материале. Использование различных по временному объему форм припева вносит в эту мерность живое дыхание. Впрочем, в этих случаях недостающие метрические доли часто восполняются паузами в пении.

На фоне единства слогоритмической основы напевов ярче выступает их мелодическое разнообразие, которое проявляется в тонкой детализации элементов распева.

Большинство колыбельных песен юго-западных районов Архангельской области принадлежит к одному мелодическому типу. Он характеризуется опорой на терцовые попевки, с захватом субкварты и субсекунды в преддыктах (табл. II). В некоторых напевах используется также IV ступень (табл. III).

Рассмотрим несколько типичных образцов строения колыбельных напевов (табл. II-2, 3, 5). Каждый из двух стихов, образующих период, соответствует одной музыкальной фразе, которая в свою очередь состоит из двух попевок. Такая фраза включает в себя две стопы стиха и соответственно имеет два акцента, причем первый подчинен второму. Акценты соответствуют 3-й и 7-й позициям. Фразы играют в строении периода различную роль: первая выполняет функцию начальной (инициальной), второй принадлежит завершающая (кадансовая).

Благодаря тождеству слогоритмического контура обеих фраз между ними возникает своеобразная переключка, подкрепленная рифмовкой стихов, составляющих период. В первой фразе мелодическое движение направлено от I

¹⁴ Головин В. В. Русская колыбельная песня. С. 51.

Таблица II¹⁵

1 Бай, бай, бай, по-ди, бу-ка, на са-рай!

2 Ба-ю, ба-юш-ки ба-ю, да те-бе пи-сё-н(ы) ку спо-ю.

3 (...) На кра-ю со-ба-ки злы-е, там ста-ру-хи по-жи-лье.

4 Бай да лю-лю, спать у-кпа-ды-ва-ю.

5 Спи-ю, Ве-ра, не со-май-се, да хоть в ма-му не из-дай-се,
Ты из-дай-се-ко ф(ы)-то-во, да кто ро-бо-та ё-т(ы) до-б(ы)-ро,
Ба-ю бай!

Кто ро-бо-та ё-т(ы) до-б(ы)-ро, да кто ро-бо-та-т(ы) хо-ро-шо,
Ба-ю, ба-ю Ве-ру-шку!

или функционально равнозначной ей III ступени лада (3-я позиция) ко II (ее может заменять субсекунда), которая занимает 7-ю позицию. Во второй фразе мы наблюдаем большое разнообразие мелодического оформления первой попевки (1-я—4-я позиции). В большинстве случаев в момент акцента (3-я позиция) звучит терцовый тон. Мелодическое движение завершается I ступенью лада, сфера влияния которой часто продлевается за счет дополнительного кадансового оборота, образующего припев. Таким образом, типовая схема ладового строения напевов колыбельных песен, записанных в юго-западных районах Архангельской области, сводится к следующей формуле:

I(III)-II;
III(II)-I (+кадансовый оборот припева).

¹⁵ 1 — зап. в д. Еремеевская Калитинского с/с Каргопольского р-на от К. А. Мартыновой 1914 г. р.; 2 — Северные байки. № 53; 3 — Там же. № 54; 4 — Золотая веточка. Вып. 2. № 13; 5 — зап. в д. Давыдово Кречетовского с/с Каргопольского р-на от И. В. Филиной 1910 г. р. Сходное ладовое и мелодическое строение можно наблюдать также в напевах, опубликованных в сборниках: Золотая веточка. Вып. 1. № 1, 56; Вып. 2. № 4, 46, 4в, 5, 6, 8, 10—12; Ефименкова Б. Б. Северные байки. № 46, 48, 49, 52—54 и др.

Столь жесткая ладовая организация напева не мешает певицам весьма изобретательно варьировать мелодическую линию, в основном за счет фигур опеваания.

Некоторые мелодии обращают на себя внимание присутствием в опевающих мелодических фигурах IV ступени лада — на предыхтовых позициях (табл. III-1, 2, 3), а в ряде образцов и в качестве опорного тона (3-я позиция завершающей попежки периода) — табл. III-4, 5. В последнем случае нисходящий квартовый ход становится яркой мелодической характеристикой напева. Опора на IV ступень усложняет его ладовую организацию. Необходимо отметить, что существует целый ряд вариантов, где на одних и тех же позициях, от строфы к строфе, появляются то терцовые, то квартовые попежки.¹⁶

Таблица III¹⁷

1. Спи, Та-ма-руш-ка мо-я, да у-ка-ча-ю я те-бя.

2. Ба-юш-ки по-бай, да мне за бай-кань-е по-дай!

3. Бай да по-бай, не-це-во со м(ы)ной не бай!

4. (...) Да на ру-чень-ки взя-ла, да на-ко-р(ы)-ми-ла бы те-бя.

5. (...) По-тём-ным-то по-ноч-кам рос-тут куд-ри по-пле-чоч-кам.

Припев является функционально важной частью напева колыбельных, вплоть до его самостоятельного существования в живой практике убаюкивания. Как видно на табл. IV, кратчайшей формой припева является трехсложная. В распеве используются разнообразные кадансовые обороты, опевающие заключительный тон напева (табл. IV-1, 2). Нередко этот оборот повторяется дважды, всегда вариантно (табл. IV-3). Наиболее развитая и чаще всего употребляемая форма припева — семисложная, интонационно перефразирующая заключительную фразу основного периода (табл. IV-4в, г). Иногда появляется более краткий ее вид: редуцируются 1-я и 2-я ритмические позиции (табл. IV-4а).

Исполняя колыбельную, женщины обычно вначале варьируют форму припева, как показано в табл. IV-4. В этом случае мы можем наблюдать, как «обрядовый возглас», к которому, очевидно, восходит краткая форма припева, постепенно разрастается до музыкальной фразы, в которой уже видны черты повествовательного характера.

¹⁶ См., например: Золотая веточка. Вып. 1. № 2, 3; Ефименкова Б. Б. Северные байки. № 44, 55.

¹⁷ 1 — Ефименкова Б. Б. Северные байки. № 47; 2 — Там же. № 45; 3 — Золотая веточка. Вып. 2. № 7а; 4 — Там же. Вып. 1. № 3; 5 — Там же. № 2. Кроме указанных к напевам данной подгруппы можно отнести также следующие: Золотая веточка. Вып. 2. № 7, 9, 14; табл. IV-4; Ефименкова Б. Б. Северные байки. № 44, 51, 55.

Таблица IV¹⁸

1 Ба - ю бай! Ба - ю бай! Ба - ю бай!

2 Ба - ю бай! Ба - ю бай!

3 Ба - ю бай, ба - ю бай!

4 Спи - ю, Ка - тень - ки, по - д(ы) - ру ж - ки, в го - ло - вах у тя по - душ - ки.

а) Ба - ю, ба - ю бай!

б) Я Ка - тень - ку дро - чу - крен - дель - ки в ча - ю мо - чу.

Ба - ю бай!

в) Ба - юш - ки ба - юш - ки, при - хо - ди ли д(ы) - ве ста - руш - ки.

Ба - ю бай Ка - тю ню, бай!

г) Спи - ю, Ка - тя, до о - бе - да, Ка - те ма - ма спать ве - ле - ла.

д) Ну ба - ю, ба - ю Ка - тень - ку!

В процессе исполнения колыбельных песен, как правило, возникают тирады — чаще всего по два двустушия. Иногда к ним присоединяется третье, которое несет в себе дополняющий смысл. Обыкновенно тирада включает в себя один поэтический мотив. Встречаются и более пространные тексты, где поэтический мотив развивается на протяжении 5—6 двустуший.¹⁹ Вместе с тем нередки мотивы протяженностью всего в два стиха: табл. IV-4.

В интонационном плане построение тирадно-строфической формы зависит от способности исполнителя к мелодическому варьированию в соответствии

¹⁸ 1 — Золотая веточка. Вып. 1. № 3; Ефименкова Б. Б. Северные байки. № 46; Золотая веточка. Вып. 1. № 3; 2 — Ефименкова Б. Б. Северные байки. № 53, 54; Там же. № 51; 3 — Там же. № 48—50; Золотая веточка. Вып. 2. № 8; 4 — зап. в д. Заполье Кречетовского с/с Каргопольского р-на от А. П. Пигли 1924 г. р.

¹⁹ См., например: Золотая веточка. Вып. 1. № 4. С. 37—38.

со смысловым развитием поэтического текста (см., например, табл. II-5). Мелодическое воплощение тирадной строфы чаще всего соответствует ее поэтической форме: aa^1 (табл. IV-1, 2), $ав$ (табл. IV-4а, б) или aa^1a^2 (табл. VI-3, 4, 5), $авв^1$ (табл. II-5).

Дополнительную завершенность рождающейся тираде придают различные формы припева. Часто, исполняя колыбельную, певички регулярно чередуют краткую его форму и расширенную (табл. II-5).²⁰ Разумеется, как и в любом акте исполнения фольклорного произведения, завершенность формы здесь не является итогом сознательного намерения. Однако настоящие мастерицы, следуя установившимся в традиции канонам, создают доступными им средствами весьма гармоничные образцы.

Прихотливое интонационное «плетение» каргопольских колыбельных всегда привлекало слышавших их исследователей. Б. Б. Ефименкова с восхищением пишет об «игре оттенков, каждый раз в чем-то неуловимо новых», сравнивая их с мастерством народных художников-резчиков и кружевниц, «создающих из традиционных элементов все новые и новые орнаменты».²¹ Разумеется, импровизация всегда неповторима и непредсказуема, однако в этом процессе можно заметить и некоторые закономерности. Так, интонационному варьированию обычно подвергается вторая заключительная фраза, включая и следующий за нею припев. Первая же, как правило, остается более стабильной, варьирование здесь проявляется в замене функционально однородных тонов (I, III ступени — субкварта; II ступень — субсекунда).

В табл. V приводится фрагмент колыбельной, напетой Н. А. Усовой (1927 г. р.) из д. Кашеевская Коношского р-на, где варьирование второй фразы происходит под воздействием речевой интонации. Представляется, что жанр колыбельных обладает специфическим арсеналом приемов распева, придающих этой интонации оттенок особой нежности, интимности. Особенно выразительно звучат заключительные слова каждого двуступища, для которых исполнительница находит все новые и новые интонационные ходы.

Таблица V²²

Лю лю лю, спать на до ле по ва лю.

Спи ко, ми ло я ди тя, я ка цеть бу ду те бя.

(...) Спи ко, Ю ля, у сы пай!

(...) да рос ти ко по ця сам.

(...) Ю ля ма ле ни ка.

²⁰ См., например: Ефименкова Б. Б. Северные байки. № 46, 51, 52, 54, 55.

²¹ Там же. С. 6.

²² Золотая веточка. Вып. 2. № 12.

Жанр колыбельных предполагает и особую манеру пения. Многие наблюдатели, слышавшие «байки» в естественной обстановке, во время укачивания ребенка, описывают эту манеру как пение вполголоса, как бы напевая. На самом же деле женщины поют полным голосом (включая грудные резонаторы), но негромко. При этом возникает характерный, «наполненный» тембр, усиливающий воздействие напева на засыпающего ребенка. К слову сказать, темп исполнения, как правило, умеренно скорый (в среднем $\text{♩} = 120$), что обусловлено в первую очередь энергичной манерой качания зыбки. Что же касается мелодической линии, то использование при пении грудных резонаторов позволяет певицам обогащать ее множеством микрораспевов, которыми изобилует местная исполнительская традиция.

К числу приемов, широко применяемых народными исполнителями, принадлежит переменность некоторых ступеней лада. Высота III ступени и субсекунды, по отношению к I, может меняться от исполнения к исполнению (табл. II-2, 3), а часто и на протяжении одного произведения (табл. IV). Кроме того, иногда варьированию подвергается также высота II ступени, приходящейся на внеакцентные слоги (табл. III-3).

В табл. VI представлен фрагмент исполнения колыбельной Е. И. Шабалиной из д. Вельцы Коношского р-на, где выразительный эффект достигается одним лишь варьированием высоты III ступени лада. На протяжении двух первых периодов, не включенных нами в таблицу, певица интонирует терцию лада как малую, затем следует приведенный отрывок, после чего терция до конца исполнения остается большой.

Таблица VI²³

²³ Золотая веточка. Вып. 2. № 5.

Таким образом, специфическим свойством музыкального строения напевов колыбельных песен является отнюдь не однообразие составляющих их элементов, а особая их организация, родственная произведениям повествовательного склада, причем эти черты наиболее ярко проявляются в основной части напева. Припев же, в особенности его краткая форма, несет в себе черты обрядового возгласа.

Терцовые попевки, подобные рассмотренным нами в напевах колыбельных песен, занимают большое место в интонационном фонде «материнского» фольклора, адресованного малым детям. В местной традиции эти попевки являются основой значительной части потешек, пестушек, песенок из детских сказок.

Таблица VII²⁴

Ки — рип — луш_ко, Ки — рип — луш_ко, плынь, плынь на бе_ре_жок (...)

(...) По_бе_жит да_ле_це, да на По_гось_и_це (...)

(...) Со_хра_ни_те_л(и) мой, обе_ре_ги_те_л(и) мой (...)

Со_ро_ка_во_ро_на ка_шу_ва_ри_па (...)

При_шла ко_ле_да на_ка_ну_на Ро_же_ства. (...)

В табл. VII собраны наиболее типичные образцы пестушек и потешек (2 и 4), песенок из сказок, традиционно представляющих прямую речь персонажей (1). Во всех приведенных примерах ключевая терцовая попевка передает одну и ту же характерную интонацию, придавая определенную образно-смысловую выразительность спетому слову. Эта интонация обладает широким спектром выразительных возможностей — от повествования до обрядового зова, клича. Здесь она несет в себе некое общее для произведений данных жанров утверждающее начало. При этом в сказках песенки, построенные на терцовых попевках, занимают особое место среди прозаической речи, оказываясь центром эмоционального воздействия на маленького слушателя. Не случайно и то, что во всех записанных нами сказках независимо от их сюжета прямая речь героев передается на сходной интонационной основе.

Обращает на себя внимание интонационное сходство приведенных образцов детского фольклора с напевом колядки, записанной также на Русском

²⁴ 1 — Золотая веточка. Вып. 1. № 63, варианты этого напева — Там же. Вып. 2. № 65, 97; 2 — Там же. Вып. 1. № 31, варианты этого напева — Там же. № 32, 45 и др.; 3 — зап. в 1992 г. Е. В. и Н. К. Головкины от П. Г. Григорьевой 1905 г. р. в д. Кушкопала Пинежского р-на Архангельской обл.; 4 — Золотая веточка. Вып. 2. № 25, варианты этого напева — Там же. Вып. 1. № 64; Вып. 2. № 94 и др.; 5 — зап. в 1979 г. А. Н. Захаров от А. И. Катиной, А. И. Куриной, О. В. Поповой, В. А. Птицыной, Т. П. Ребровой в д. Мотохово Пчевского с/с Киришского р-на Ленинградской обл.

Севере (табл. VII-5); подобные примеры могут быть умножены. Вместе с тем во всех упомянутых мелодиях не только характерные попевочные образования, но и строение музыкальной фразы в целом родственно напевам колыбельных песен.

Мы посчитали возможным привести еще один пример интонационного родства напевов колыбельных с произведениями иных жанров. Это напев духовного стиха, записанный на Пинеге (табл. VII-3); по словам информаторов, этот стих часто пели во время укачивания ребенка. Музыкальная фраза, которая, будучи вариантно повторенной, образует данный напев, чрезвычайно близка ко второй, заключительной фразе напева колыбельных. Представляется, что вопрос о мелодических связях колыбельных с эпическими произведениями требует специального исследования, выходящего за рамки данной статьи.

В естественных условиях «байканья» исполнительница могла петь не только колыбельные, но и другие песни. «Кто какую сдумает... Старухи-те водятце (пестуют ребенка), дак всяких, всяких навыведелывают: у меня боле байканья не хватает, дак я песни запела!» — говорили нам в д. Еремеевской Калитинского с/с Каргопольского р-на. Пели иногда тексты колыбельных на мотив вечорочных припевок (табл. VIII-1). Среди записанных нами колыбельных имеется также напев, в котором слышны типичные частушечные интонации (табл. VIII-2).

Таблица VIII²⁵

1

Ба — ю ба — юш_ки по — бай, спи, по — друж — ка, за — сы — пай,
 Спи, по — друж — ка, за — сы — пай, го — ло — вуш — ки не по — ды — май!
 Ба — ю, ба — ю, ба — ю бай!

2

Спи — ко, Са — шень — ка, да — вай, да го — ло — вы не по — ды — май,
 Го — ло — вуш — ки от по — душ — ки, боч — ков от ри — пач — ков.
 Сон и дёт по — о — че — пу, дре — ма — то по луч — кам,
 Дре — ма — то по луч — кам, да пря — мо маль — чи_ку в гла — за.

В Коношском р-не нам встретился один напев колыбельной, который резко отличается от других интонационным строением завершающего кадансового оборота. Заключительным тоном здесь служит не I, как обычно, а

²⁵ 1 — зап. в д. Полуборье Печниковского с/с Каргопольского р-на от В. Н. Шкляковой 1922 г. р.; 2 — зап. в д. Кононово Хотеновского с/с Каргопольского р-на от А. В. Поровой 1916 г. р.; 3 — Золотая веточка. Вып. 2. № 1.

II ступень лада (табл. VIII-3). Эта мелодия была напета И. Я. Будриной (1907 г. р.) из д. Кремлево Коношского р-на, которая исполнила на нее множество текстов. Профессиональная «пестунья», она вынянчила за свою долгую жизнь множество детей. В ходе экспедиции от нее было записано немало произведений детского фольклора, сведения о рождении, питании, лечении малышей, приемах ухода за ними, наряду с талантливыми рассказами о судьбах «поднятых» ею детей, переплетенных с судьбами родной деревни. Все ее рассказы отмечены яркой индивидуальностью.

Еще один необычный для местной традиции напев колыбельной (табл. IX-1) был записан в д. Мячево Тихманьгского с/с Каргопольского р-на от В. Н. Исаковой (1919 г. р.), одаренной певицы и «причитальницы». Ее глубокий, сильный, проникновенный голос, прекрасная память и дар импровизации создали ей славу выдающейся исполнительницы, известной на всю округу.

Мелодия, на которую Валентина Николаевна пела колыбельные, значительно отличается от местного типового напева, который был записан в этой же и окрестных деревнях. Отличия проявляются в ладоинтонационной сфере. В первой попевке мелодия поднимается по квинтовому тетрахорду (I—III—IV—V ступени), с захватом VI ступени в виде опевания V, и останавливается на III ступени. Вторая попевка повторяет интонацию первой, сдвигая акцент на VI ступень, и затем плавно спускается к тонике (табл. IX-1). Роль подобных типовых интонационных ходов в развитии напева можно увидеть на примере одной из многочисленных лирических песен Каргополя (табл. IX-3). Характерны они и для местных причитаний (табл. IX-2).

Таблица IX²⁶

1

Ва_ся ро_за по_лб_ва_я, да Ва_ся лан_дыш и_з(ы) руч_я.

Ба_ю, ба_ю, ба_ю бай!

2

(...) И ко_му рав_ця_той мо_ги_луш_ке, и к_сво_ё_му да му_жу ми_ло_му. (...)

3

(...) Што ни_што и ни_че_во у_мня_з_ду_ма_но ву_ме, а_той да ву_ме, в(ы) ра_зу_ме_то у_де_у_шки, в_буй_но_ю го_ло_ве.

Интонационные связи колыбельных с причитаниями, порождающие сходные мелодические построения, можно проследить на примере напевов, более типичных для местной традиции. В табл. X представлены колыбельная (1) и

²⁶ 1 — Золотая веточка. Вып. 1. № 4; 2 — зап. в г. Каргополе от А. Н. Маровой 1916 г. р. и У. Н. Давыдовой 1912 г. р., родом из д. Нокола Калитинского с/с Каргопольского р-на; 3 — зап. в д. Мячево Тихманьгского с/с от В. Н. Исаковой 1919 г. р.

похоронный плач по мужу (2), записанные в соседних деревнях. Характерный мелодический ход в припеве колыбельной является яркой характеристикой местной традиции и зафиксирован также Б. Б. Ефименковой.²⁷

Таблица X²⁸

Ба - юш - юм ба - ю, нет ли мес - тець - ка вра - ю?
Ба - ю, ба - ю ба - ю бай!
Уж што на на - шу ма - лу хи - жи - ну,
дак на - ка - ти - лась ту - ця гроз - на - я.

Мелодическая общность напевов колыбельных и причитаний не является особенностью одной только местной традиции. Общность попевочного языка, подкрепляемая практикой исполнения причитаний (в особой манере) над засыпающим ребенком попеременно с колыбельными песнями, была зафиксирована А. Н. Ивановым в селах Донского правобережья на пограничье Воронежской и Белгородской областей, а также у казаков-некрасовцев.²⁹

Аналогии между художественными образами колыбельных и причитаний на материале рассматриваемой нами традиции можно найти и в сфере поэтических текстов. Характерное «общее место» поминальных плачей — «горе бедное» — встречается и в колыбельных песнях, где говорится о горькой судьбе поющей.

Колыбельная:

Баю, баю да побаяю, да
Васе песню я напеваю.
Васе песенку пою
Про участь горькую свою.
Участь горькая моя, да
Нет заступы-то у меня.
Ни заступы-то, ни замены, да
Старо горё-то бедно я.³⁰

Поминальный плач:

Дак я осталась, горё бедноё, —
Дак ни родни, да ни природушки,
Дак я не знаю, горё бедноё,
Нонь приклонить куды головушка.
Разошлись да все розъехались,
Да вся родня да вся природушка
Да мои да милы детоньки,
А нонь не ходят резвы ноженьки
Да не сдымаютце да белы руценьки...³¹

²⁷ Ефименкова Б. Б. Северные байки. № 47.

²⁸ 1 — зап. в д. Лукино Хотеновского с/с Каргопольского р-на от М. Д. Кочериной 1913 г. р.; 2 — зап. в д. Анфимова Хотеновского с/с Каргопольского р-на от Т. И. Кононовой 1912 г. р.

²⁹ Иванов А. Н. Причитания над колыбелью, записанные в южной России // Живая старина. 1994. № 4. С. 40—43.

³⁰ Золотая веточка. Вып. 1. С. 37—38. Здесь и далее тексты приводятся в упрощенной транскрипции.

³¹ Зап. в д. Шишкино Хотеновского с/с Каргопольского р-на от Е. М. Роговой 1913 г. р.

Среди поэтических мотивов колыбельных нередко можно встретить и такие, которые, без сомнения, оказываются родственными образной сфере лирических песен:

Колыбельная:

Люли да полюли,
Мы не спустим в чужи люди.

В чужих людях хорошо —
Белым ручкам тяжело.

В чужих людях рано будят,
На работу рано нудят.³²

Лирическая песня:

Не торопитесь-ко, не ладьтесь-то, девушки
взамуж,
Ой, да нам у батюшка доро... ой, дородно
хорошо.

Нам у батюшки дородно, хорошо ли,
Ой, да в чужих людях-то, людях рано будят,
Ой, да на роботушку-то угонят до зори.

На роботушку гонят до зори,
Ой, нам чужая-то работа не по силе,
Ой, да со чужой роботки ру... ой, рученьки
болят.³³

Итак, мы видим, что в юго-западных районах Архангельской области сложилась развитая традиция исполнения колыбельных песен. Обладая богатыми выразительными возможностями, напевы колыбельных способствуют достижению полноты интонационно-смыслового воплощения звучащего поэтического текста. Истоки этих мелодий, как и других произведений «материнского» фольклора, восходят к речевой интонации, усиливающей благотворное воздействие спетого слова.

На материале изученной нами местной традиции прослеживается мелодическая общность напевов колыбельных с причитаниями, а также колядками и духовными стихами, вторичные связи с песнями других жанров, что позволяет уяснить место этих напевов в песенной культуре.³⁴ Мы можем подтвердить вывод В. В. Головина о том, что колыбельная — это «жанр, через который происходит стихийное включение в культуру».³⁵ Таким образом, адресат колыбельной — ребенок «зыбочного возраста» через ее напев получает навык традиционного музыкального мышления, который впоследствии, по мере обретения растущим человеком все нового жизненного опыта, становится основой его собственного творчества по канонам народной песенной культуры.

СПИСОК ОСНОВНЫХ ПУБЛИКАЦИЙ
НАПЕВОВ КОЛЫБЕЛЬНЫХ ПЕСЕН

Величкина О., Иванов А., Краснопецева Е. Мир детства в народной культуре: Село Плехово (Курская область): Обучение основам народной традиции. М., 1992. № 26—32.

Вессель Н. Х., Альбрехт Е. К. Гусельки: 128 колыбельных, детских и народных песен и прибауток для голоса с ф.-п. СПб., 1875. № 1—10.

Виноградов Г. С. Детский народный календарь // Сибирская живая старина. 1924. Вып. 2. С. 55—86. Нотное приложение. № 3.

³² Золотая веточка. Вып. 1. С. 26.

³³ Зап. в д. Никола Калигинского с/с Каргопольского р-на от В. И. Змеевой 1909 г. р., Маровой 1916 г. р. и А. А. Змеевой 1931 г. р.

³⁴ Наши наблюдения находят параллели в исследовании В. В. Головина о сходстве поэтических мотивов колыбельных с колядками и причитаниями (см.: Головин В. В. Русская колыбельная песня. С. 148—156).

³⁵ Там же. С. 179.

Гиларова Н. Н. 1) Голоса Хопра: Книга для взрослых и детей. М., 2001. № 13—23; 2) Детский музыкальный фольклор Рязанской области. Рязань, 1992; 3) Хрестоматия по русскому народному творчеству. Ч. II: (3—4 год обучения) / Русская традиционная культура. № 2—3. 1999. № 1—16.

Захаров В. Г. 1) Сто русских народных песен / Записи Вл. Захарова; Ред. текстов, примеч. П. Казьмина; Под общ. ред. Т. Ливановой. М., 1958; 2) 30 русских народных песен / Записи Вл. Захарова; Ред. текстов, примеч. П. М. Казьмина. М.; Л., 1939.

Земцовский И. И. Торопецкие песни: Песни родины М. Мусоргского / Зап., сост., коммент. И. Земцовского. Л., 1967. № 105.

Золотая веточка: Детский фольклор Архангельской области / Сост. Е. Якубовская. М., 1997. Вып. 1, 2.

Ельчева И. М. Народные песни Ивановской области / Зап., сост., предисл., примеч. И. Ельчевой. [1968]. № 109—113.

Ефименкова Б. [Б.] Северные байки: Колыбельные песни Вологодской и Архангельской областей. М., 1977.

Ковалева О. В. Для деревни: Сб. песен и частушек. М., 1925. № 6.

Колыбельные песни: Из фондов Свердловского областного Дома фольклора / Сост. В. Балкова. Екатеринбург, 1997.

Колыбельные песни, записанные в Курганской области / Сост. Э. А. Чебыкина. Курган, 1990.

Колыбельные. Потешки. Пестушки / Сост. Л. А. Пыжьянова. Екатеринбург, 1995.

Котикова Н. Народные песни Псковской области / Под общ. ред. С. В. Аксюка. М., 1966. № 105.

Краснопольская Т. В. Песни Карельского края / Сост., вступ. ст. Т. Краснопольской; Под общ. ред. Б. М. Добровольского. Петрозаводск, 1977.

Кулаковский Л. В. 1) Музыкально-этнографические заметки // Советская музыка. 1940. № 8. С. 83—90; 2) Три поездки в Дорожево // Советская музыка. 1956. № 8. С. 73—82.

Лядов А. К. 35 песен русского народа из собранных в 1894, 1895, 1901 и 1902 гг. И. В. Некрасовым, Ф. М. Истоминым и Ф. И. Покровским в губерниях: Владимирской, Нижегородской, Рязанской, Саратовской, Тверской и Ярославской. Для одного голоса в сопровожд. ф.-п. переложил Анатолий Лядов. [СПб., 1903].

Мельник Е. И. Варженские певицы и их песни. М., 1986. № 1.

Мохирев И. А., Харьков В. И., Браз С. Л. Народные песни Кировской области. М., 1966. № 209—211.

Мошков В. А. Старообрядцы Варшавской губернии и их песни // Варшавские губ. ведомости. 1897. № 19—33, 37—39, 42—44, 57, 92—96, 98, 99.

Музыкально-песенный фольклор Ленинградской области в записях 1970—1980 гг. / Ред.-сост. В. А. Лапин. Л., 1987. Вып. 1. № 83—88.

Народная традиционная культура Псковской области: Обзор экспедиционных материалов из научных фондов фольклорно-этнографического центра: В 2 т. СПб.; Псков, 2002. Т. 1. С. 203, № 1; С. 496, № 1, 2; Т. 2. С. 77, № 1, 2.

Науменко Г. М. 1) Жаворонушки: Русские песни, прибаутки, скороговорки, считалки, сказки, игры / Зап., нотация, сост. Г. Науменко. М., 1977. Вып. 1; 1981. Вып. 2; 1984. Вып. 3; 1986. Вып. 4; 1988. Вып. 5; 2) Этнография детства / Зап., сост., нотации и фотографии Г. М. Науменко. М., 1998. Нотное прилож. С. 351—352.

Науменко Г. М., Якунина Г. Т. Солнышко-ведрышко: Детский музыкальный фольклор Архангельской области. Архангельск, 1994.

Никольские песни, записанные в Никольском районе Вологодской области / Сост., ред., вступ. ст., коммент. М. Мазо. Л.; М., 1975. № 39—41.

Песенный фольклор Мезени / Изд. подгот. Н. П. Колпакова, Б. М. Добровольский, В. В. Митрофанова, В. В. Коргузалов. Л., 1967. № 187—190.

Песни Ольги Ковалевой / Сост. Г. Б. Павлова; Ред. А. В. Руднева. М., 1971. Прилож. № 1. № 83, 84.

Песни Печоры / Изд. подгот. Н. П. Колпакова, Ф. В. Соколов, Б. М. Добровольский. М.; Л., 1963.

Пыщуганье: Традиционный фольклор Пыщугского района Костромской области / Под ред. А. В. Кулагиной. Нотировка песен Т. В. Кирюшиной. Пыщуг, 2001. С. 231, № 30.

- Рубцов Ф. А. Олышанские песни, записанные в селе Олыша на Смоленщине / Зап., нотация, сост., предисл., примеч., общ. ред. Ф. Рубцова. Л.; М., 1971. № 1—3.
- Русский детский фольклор в Карелии / Сост. С. М. Лойтер. Петрозаводск, 1991.
- Русские народные песни (Полит. упр. Рабоче-крестьянской Красной Армии). М.; Л., 1937. Сб. 3.
- Русские народные песни. М.; Л., 1950 (Гл. архив. упр. МВД СССР. Центр. гос. архив кинофотофонодокументов). № 56.
- Русские народные песни Карельского Поморья / Сост. А. П. Разумова, Т. А. Коски, А. А. Митрофанова. Л., 1971. № 173—176.
- Русские народные песни Поволжья: Песни, записанные в Куйбышевской области / Сост. Б. М. Добровольский, Н. П. Колпакова, Ф. В. Соколов, Г. Г. Шаповалова; Общ. ред., вступ. ст. Н. П. Колпаковой; Муз. ред. Ф. В. Соколов. М.; Л., 1959. № 100.
- Свитова К. Г. Народные песни Брянской области. М., 1966. № 126—129.
- Сотников Т. И. Русские народные песни казаков-некрасовцев / Зап. Т. И. Сотниковым. М.; Л., 1950. № 15.
- Сто русских народных песен: Материалы студенческих фольклорных экспедиций / Под общ. ред. Ф. В. Соколова. Л., 1970. № 32—35.
- 100 народных песен, собранных в Карелии. Петрозаводск, 1970. № 31—33.
- Традиционная музыка русского Поозерья: (По материалам экспедиций 1971—1992 годов) / Сост., коммент. Е. Н. Разумовской. СПб., 1998. № 147—149.
- Традиционный фольклор Новгородской области: По записям 1963—1976 гг.: Песни. Причитания / Изд. подгот. В. И. Жекулина, В. В. Коргузалов, М. А. Лобанов, В. В. Митрофанова. Л., 1979. Колыбельные песни: № 252—278. Напевы: № 253, 254, 261—263, 265, 273.
- У кота колыбелька золота: Колыбельные распевы Шадринского края / Соб., сост. В. Н. Бекетова. Шадринск, 1999.
- Христиансен Л. Л. 1) Современное народное песенное творчество Свердловской области. М., 1954; 2) Уральские народные песни / Под общ. ред. С. В. Аксюка. М., 1961. № 98.